

ПТАХА И КОЛДУН

МАРГО ШУМ

Марго Шум
Птаха и колдун
Серия «Птаха», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62059521

Аннотация

Можно жить в Райской долине и соседствовать с логовом злого колдуна. Торговать на рынке самыми вкусными ягодами, не стыдясь того, чем занимаешься.

Жиль жила как умела. Трудилась, не покладая рук, и училась в свободное от работы время. Но судьба готовила ей сюрприз. Однажды ей сделали предложение, от которого она не смогла отказаться. И вот она уже взбирается на скалу, направляясь в логово самого колдуна. Что же ждёт её там? И не совершает ли она самую большую в своей жизни неосторожность?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марго Шум

Птаха и колдун

Глава 1

Я живу в раю. Ну, не в самом раю, потому что умирать я не собираюсь, а в небольшом городке, укрытом со всех сторон скалами. И называется он Райская долина. Откуда пошло название, никто не знает, но оно очень подходит городку. Почти всегда тут светит солнце, а море, что плещется за скалами, редко проявляет свое недовольство или волнуется. Но зато, когда такое случается, то и на Райскую долину обрушиваются потоки влаги. В такие дни жизнь в нашем городке замирает, а жители прячутся по домам и молятся Богине Плодородия о милости небесной.

Но рай наш отвоеван у скал, и на душу каждого его приходится очень мало. Ведь не только со всех сторон окружают нас эти неприступные вершины, но и под ногами тоже почти везде скала. Земли у нас мало, и бережем мы ее как святыню. Потому и повелевает нашими умами и душами Богиня Плодородия.

Меня зовут Жиль, ну вернее, Жильсена. Но полное имя свое я не люблю, пафосное оно какое-то. Все вокруг зовут меня Жиль, так и мне больше нравится.

Живу я с тетей, и у нас есть маленький кусочек собственной земли! Кстати, и улица, на которой мы живем, называется Земельщиков. Это потому, что земля тут есть в каждом дворе. А еще у нас есть куры и гордый петух. Задиристый, правда, но своих не обижает.

В этом году я закончу первую школу для девочек-сирот и получу путевку в жизнь. Правда, чем бы хотела заняться после школы, пока еще не знаю. Да и тетя же у меня.

Ну вот, собственно, и все, что я хотела о себе рассказать. Не густо как-то получилось для странички знакомства.

Жиль закрыла потрепанную книжечку и любовно погладила кожаный переплет. Это книжечка была у нее всегда, сколько помнила себя. В детстве она даже пыталась в ней рисовать. А сегодня вот решила, что будет вести личный дневник, куда станет записывать все о себе, не таясь.

Почему-то ей казалось, что книжечка эта досталась ей от мамы, которая трагически погибла, когда Жиль была совсем крошечной. Мама разбилась насмерть, упав с высоты. А поскольку отца своего Жиль не знала, да и не было у нее его никогда, то в их с мамой домик переехала тетя. Ну не совсем тетя, настолько она была им дальняя родственница. Но другой родни у Жиль не осталось, а у тети тоже никого больше не было из родных. Вот и заменила она девочке мать.

Спрятав дневник под подушку, Жиль закрыла глаза. И по-

что сразу же ее разбудил крик первого петуха. Не их. Их гордая птица с красивыми шпорами любила поспать подольше.

Надо же, как быстро пролетела ночь! Как один миг. И ведь легла не поздно.

Жиль встала и потянулась. Короткая сорочка, из которой она давно уже выросла, подскочила вверх, открывая стройные ноги и обрисовывая упругую девичью грудь. Рыжие волосы растрепались со сна, но ими она займется позже. А пока ее ждут куры.

Накинув на плечи платок, Жиль выбежала во двор, но сначала прокралась через вторую комнатку в их с тетей доме, где та громко храпела, лежа на спине. Будить ее раньше времени Жиль не хотелось. А вот самой ей стоило поторапливаться – вот-вот откроется рынок, и надо успеть занять выгодное место.

– Ну-ка, цыпы, налетай! – скомандовала она, рассыпая корм в большое корыто. – И ты иди уже, соня, – поманила она петуха.

Его нужно было обязательно отвлечь кормежкой, а самой по-быстрому собрать яйца в курятнике. Их она тоже снесет на рынок и выгодно продаст. Магда – дочь старьевщика обещалась взять целый десяток. И остальные тоже пристроит в хорошие руки. Ну и им с тетей оставит по паре.

Выходила из курятника Жиль с полным лукошком яиц, и делала это вовремя – петух как раз решил проверить, чем она там занята.

– Хитрюга, – погрозила ему Жиль пальцем и побежала к дому.

Времени оставалось в обрез: одеться, причесаться, взять из сарая корзинки с ягодами и бежать на рынок.

Длинная юбка путалась в ногах, сбивая с шага, но Жиль удалось добраться до рынка раньше первого удара колокола, когда охрана распахивала большие ворота и впускала торговцев.

– Жиль, иди сюда! – выкрикнул из толпы тетушек и дядюшек Монила – деревянных дел мастер и друг Жиль с детства. Он призывно размахивал руками, не обращая внимания на недовольные окрики ото всюду.

С Монилей они выросли по соседству, пока мама его не вышла замуж во второй раз и не переехала с улицы Земельщиков на улицу Солнечную, прихватив с собой и сынишку. В их дом въехали новые жильцы, но общение с ними у Жиль сводилось к «здравствуйте» и «до свидания».

– Я занял нам место, – довольно улыбался Монила, раскладывая на небольшом прилавке всяческую деревянную утварь. Очень нравились Жиль его изделия, только вот сбывал он их почти даром, не ценил свой труд. Хотя, наверное, ему просто очень нужны были монеты. Да и кому они не нужны.

– Спасибо, Мон! Что бы я без тебя делала! – на румянец, что тут же вспыхнул на щеках парнишки, Жиль не обратила внимания. Она уже занималась тем, что снимала со спи-

ны плетеную торбу, полную малины. Корзина с крыжовником, ежевикой и яйцами уже покоилась на прилавке. Осталось только все красиво разложить, чтобы показать товар лицом.

Разместив товар со всем искусством, на которое только была способна, Жиль присела на раскладной стульчик и принялась проворно плести небольшие лукошки из берестяных полосок. В них она накладывала ягоды, это было ее собственным изобретением, которым Жиль очень гордилась.

Совсем скоро на рынке стало гораздо оживленнее. Жизнь в Райской долине просыпалась с рассветом, но и на покой жители отправлялись с наступлением темноты. Каждый тут знал свое место и трудился, не покладая рук.

– Почем малинка? – остановилась возле прилавка дородная женщина с маленькой девочкой на руках.

– Три медяка лукошко, – улыбнулась малышке Жиль и протянула несколько ягодок. – Попробуйте, какая она сладкая.

– Сладкая-то сладкая, а дорогая такая отчего? – недовольно проворчала женщина, но ягоды все съела и даже дочке не дала.

– Так и собирать ее нелегко, – без тени смущения отозвалась Жиль. К подобным речам она уже давно привыкла. И говорила правду. Каждый вечер, до темна, она собирала ягоды в огороде. Да и ухаживала за ними, как за малыми детьми. Потому и платили ей те богатым урожаем вот уже который

год.

А ведь раньше было все совсем не так... Жиль вздохнула и отогнала грустные мысли.

– Так что, берете? – посмотрела на женщину.

Та еще поворчала, но взяла и лукошко малины, и лукошко ежевики. От крыжовника – гордости Жиль, отказалась.

Время шло, и ягод в корзинах Жиль оставалось все меньше. Немного огорчало то что у Монины торговля сегодня совсем не шла, и парень сидел очень грустный.

– Есть еще крыжовник у тебя, красавица? – отвлек Жиль мужской голос от плетения лукошек, которых она решила приготовить впрок.

– Это все, что осталось, господин, – заглянула Жиль в корзину, где крыжовника осталось не больше двух лукошек.

– Сколько? – окинул ее скептическим взглядом господин в черном, и Жиль это почему-то очень не понравилось.

– Пять медяков лукошко.

– Сколько?! – брови того взлетели вверх.

– Пять медяков, господин, – ответила Жиль и гордо подбоченилась. Как народ умеет и любит сбивать цену, она знала не понаслышке, но и сама тоже была ни лыком шита. – Такого вы больше ни у кого не найдете.

И она знала, что говорила. Вкуснее ее крыжовника, крупного, ярко-зеленого, больше ни у кого в Райской долине не было.

– Уверена? – прищурился неприятный господин.

– Уверена, – кивнула Жиль.

– Тогда я возьму все, – снял он с пояса небольшой мешочек и спокойно ждал, пока Жиль бережно упаковывала ягоду. – А не хочешь ли ты заработать, девушка? – спросил вдруг, принимая у нее из рук товар.

– Кто ж не хочет, господин, – осторожно ответила Жиль, лелея надежду, что ничего неприличного он ей не предложит.

– Тогда приноси завтра полную корзину крыжовника во-он в тот замок, – указал он на самую дальнюю скалу, где был выстроен замок, который все называли логовом колдуна.

О замке в округе ходила дурная слава. Поговаривали, что живет там злой колдун и занимается он будто бы одними бесчинствами. Жиль всегда считала это только слухами, но сейчас испугалась не на шутку.

– Туда? – голос ее дрогнул, а взор невольно обратился к замку.

– Спросишь управляющего. Тебя проводят. Заплатят щедро, не сомневайся, – и ушел, не оглядываясь.

– Пойдешь? – раздался рядом испуганный голос Монилы.

– Не знаю, – пожала плечами Жиль, а сама все смотрела в черную спину, пока та окончательно не затерялась в толпе рыночных зевак.

Как только сбыла весь товар, Жиль засобиравалась домой. Дел еще оставалось очень много, и на уроки опаздывать не

хотелось.

– Мон, я пошла, – грустно и понимающе улыбнулась она другу детства. Тот так и не продал почти ничего, кроме пары мелких безделушек. И сидел как в воду опущенный. – Не расстраивайся – завтра день будет богаче, вот увидишь!

На базарной площади толпился народ. Опять устраивают бои. Ох и не любила Жиль эти мордобои! Вот какой в них толк? Разве что ставки... Но в этом она не разбиралась, да и не вникала. Наоборот, постаралась поскорее свернуть с площади в Торговый переулок, который тоже миновала практически бегом. С улицы Надежды Жиль свернула на улицу Возрождения. А там уже и до дома было рукой подать.

– Жиська, ты? – донесся до нее крик из комнаты, едва Жиль скинула в сенях пустые корзинки.

Так ее звала только тетя Зуи. Звучало немного грубовато и даже пренебрежительно, но ничего не поделаешь. В этом Зуи была вся: грубая, неотесанная, а с годами еще и совершенно невыносимая. И при всем при этом, до ужаса требовательная и скандальная, если что было не по ее. Но Жиль к ней уже так привыкла, что порой даже не замечала особенностей ее характера. Разве что стыдно за нее становилось временами, когда та закатывала скандал на людях.

– Я, тетя Зуи.

– Монеты принесла? – гаркнула та еще громче. – Все продала, что из дома утащила?

Жиль вздохнула, отерла ноги об уже сухую тряпку у поро-

га и вошла в комнату. В нос сразу же ударил запах травы. Не успела проснуться, а уже курит. К этой отраве тетя пристрастилась много лет назад, когда через Райскую долину проезжали бродячие комедианты. Тогда Зуи еще была молодой и сдружилась с певицей из труппы. Ну и та ее посадила на эту травку. Зависимость крепла только от года к году, а вот доставать траву становилось все труднее, и монет на нее уходило немерено. Теперь уже тетя находила наркотик через третьи руки, а то и больше. И всем она платила...

И дело даже не в том, что на травку эту уходили почти все их монеты. Мозг тети сушила она. Вот и сейчас сквозь сизый и сладковатый дым Жиль встретила с мутными и малоосмысленными глазами тети. Но даже в таких, в глубине их зажглась жадность.

– Давай-давай!.. – постучала Зуи по столешнице дрожащей рукой.

Жиль достала из кармана монеты и высыпала на стол.

– Здесь все? Что-то маловато, – принялась перебирать монеты тетя, и пальцы ее заметно дрожали.

– Нет, не все! – твердо произнесла Жиль. – Оставила на продукты и налог на землю...

Каждый месяц они вносили в городскую казну кругленькую сумму за участок земли. И на этот налог Жиль копила скрупулезно, отказывая себе почти во всем. Ведь земля – это то, что позволяло им жить. А еще на их участке из-под земли бил источник, что давал Жиль воду для огорода, да и все-

го остального тоже. За источник они доплачивали отдельно. Таких в долине было всего несколько. Остальные пользовались городскими колодцами.

– Ладно, и этого хватит... – принялась Зуи что-то подсчитывать в уме. – Завтра еще добавишь, и Клосс сделает скидку... – Жиль уже собралась бежать в школу, как ее снова остановил голос тети: – А ты вчера стряпала, что-то я запомняла?

– Овощное рагу в печи. Подогрей сама, мне некогда, – и выскочила из дома, пока тетя не успела сказать что-то еще.

Тетя Зуи не всегда была такой. Но чем старше становилась Жиль, тем все большая лень овладевала родственницей. А может, виной тому была все та же травка, с уверенностью Жиль утверждать не могла. Только дошло до того, что всю работу по дому, как и обязанности зарабатывать монеты, тетя переложила на хрупкие плечи племянницы. Сама же с каждым годом становилась все тучнее, отчего уже и проблемы с сердцем были, и одышка ее мучила практически постоянно. Вот и сегодня она ведь еще даже не вставала с тахты с момента пробуждения.

От грустных мыслей Жиль отвлекло появившееся вдали здание школы. Вот куда она любила ходить с самого детства! Учеба доставляла ей неизменное удовольствие, хоть и пропускать приходилось много, а потом нагонять самостоятельно. Два раза за всю учебу Жиль сильно болела и оставалась на второй год. Вот и получилось, что заканчивала она школу

не в семнадцать лет, как все, а в девятнадцать. Но и это ее не смущало – нельзя сетовать на жизнь, ведь она – самая главная ценность у человека, какую судьбу даст – ту и следует прожить.

В школу Жиль успела на последние два урока. Но к ее пропускам уже все привыкли, и учителя безропотно выдавали ей новые темы и задания на дом. А после уроков у нее состоялся серьезный разговор с директором школы.

– Жиль, в этом году тебе предстоит выпускной экзамен. Справишься ли ты с ним, успеешь ли подготовиться? Или, возможно, тебе следует еще раз пройти программу выпускного класса?

Господин Адис не бранил ее и ни в чем не обвинял. Жиль точно знала, что он волнуется за нее и хочет помочь. Но и в себе она была уверена, а потому ответила:

– Я справлюсь, господин Адис. У меня еще три месяца впереди.

– Ну смотри, девочка, – печально покачал директор седовласой головой. – Комиссия будет городская, и поблажек они никому не делают. Не сдашь экзамен – отчислят без диплома.

И он не пугал. За все эти годы Жиль научилась верить директору как самой себе. Да и он по-отечески любил всех своих учениц, хоть и был с ними строг.

– Я буду усиленно готовиться, господин Адис, и не подведу вас.

Осталось найти время на дополнительную учебу, если она повседневной-то занималась перед самым сном.

Домой Жиль вернулась еще засветло. На обратном пути забежала в лавку мясника и прикупила немного мясных обрезков, чтоб похлебка не получилась уж совсем пустой. Поди, Зуи опустошила котелок с рагу. Травка у тети неизменно вызывала волчий аппетит, а неподвижный образ жизни способствовал ожирению.

В доказательство собственным мыслям в сенях Жиль застала заваленный крошками и грязной посудой стол. Но не до этого ей было сейчас. Солнце вот-вот спрячется и нужно успеть собрать ягоду, прополоть и полить огород. В потемках этого сделать она не сможет.

– Жиська! – раздался тетин окрик из комнаты, на который Жиль даже внимания не обратила. Даже на разговоры отвлекаться сейчас она не могла.

До густых сумерек девушка трудилась на огороде, пока не собрала всю спелую ягоду. Тяжелее всего было срывать крыжовник – уж больно тот колючий, даже плотные длинные рукава рабочей кофты порой не спасали. Но и к этому она уже привыкла, а на царапины не обращала внимания. Да и у нее есть волшебная мазь, что подарил Монила не так давно. Друг тайком вынес снадобье из дома, а мать его разжила этой мазью у какой-то колдуньи. И теперь каждый вечер Жиль залечивала царапины, не уставая благодарить в душе друга за внимание и заботу. Хороший он очень! Пусть Богиня Пло-

дорожия пошлет ему верную пару и побольше монет! Все это он заслужил.

С наступлением сумерек Жиль вернулась в дом уставшая, но удовлетворенная. Ягод набралось опять много, и завтра она сможет неплохо заработать. А это значит, что налог на землю в этом месяце она внесет вовремя и сразу весь.

Пока варилось мясо, она разобрала ягоды. Те, что получше, приготовила для продажи, а похуже разложила сушиться. Зимой голодно, хоть в Райской долине она и мягкая, теплая. Но огород отдыхает до следующего года. Вот и старалась Жиль наварить компота, да джема побольше, засушить ягод впрок. И ничего, что почти все из этого она снесет на тот же рынок, им с тетей тоже останется.

С домашними делами Жиль закончила, когда на долину уже спустилась ночь. Уже в потемках ей пришлось набирать воду из источника, пополняя питьевые запасы в доме.

Тетя Зуи уже привычно храпела, распластавшись на спине, когда Жиль поставила в изголовье ее кровати кувшин с водой, чтоб та ночью смогла промочить горло. Да прибралась наспех в ее комнате, зная, что на завтра та снова станет захлавленной и прокуренной.

С уроками Жиль тоже управилась быстро. Ум у нее был молодой и гибкий, соображала она быстро, и новые темы усваивала с легкостью.

Уже сидя в постели и отчаянно борясь со сном, Жиль решила, что не может не поделиться своими мыслями с новым

и тайным другом – своим дневником. Достав тот из-под матраса, где схоронила его от посторонних глаз, Жиль раскрыла книжечку и задумалась...

...Сегодня на рынке меня напугали. Один очень странный господин, что покупал у меня ягоды. Весь в черном, и взгляд у него такой – метущийся. Он вроде и смотрел мне в глаза и в то же время нет. Мне даже показалось, что он видит все вокруг сразу. И Монила вон тоже испугался, аж с лица побледнел.

А как оказалось чуть позже, бояться было чего, потому что господин этот пришел из замка на скале – логова колдуна.

Я никогда раньше толком и не задумывалась, а правда ли все то, что люди рассказывают про этот замок? Будто полон он приведений, и живет там страшный и злой колдун, что повелевает этими привидениями. А прислуживают ему немые люди, которым он вырвал языки, чтоб не раздражали его речами своими. Ну вот это точно неправда! Одного такого немого мы сегодня видели с Монилой на рынке. Для лишнего языка разговаривал он очень даже бойко. Разве что речи его были странными...

А крыжовник ему мой понравился – вон как причмокивал, поедая ягоды.

Но что мне делать, на что решиться? За полную торбу ягод, если снесу ту в замок, он обещался щедро заплатить.

Наверняка получится выторговать больше, чем на рынке. Но страшно-то как! И идти далековато.

С другой стороны, если я завтра быстро все сбуду на рынке, то и в замок колдуна успею.

И глупости все про него говорят! Да и если уж на то пошло, не к нему я пойду, он меня и не увидит. Переговорю с управляющим, получу причитающиеся мне монеты и быстренько вернусь домой.

Решено! Пойду завтра в замок! Только вот ботинки у меня рвутся, а на новые все никак не получается накопить. Как стану взбираться на скалу-то? Да и давненько уже этого не делала, с малолетства.

А еще от Монилы не получится скрыть, крыжовник-то придется спрятать под прилавком. Но он надежный – никому не проболтается, если попрошу. Вот только, боюсь, волноваться за меня станет. Душа у него уж больно хрупкая, ранимая.

Ну вот и сегодня не получилось толком пописать. Глаза сами закрываются, и подушка манит...

Глава 2

– Неужто пойдешь? – спросил Монила, когда заметил, что торба с крыжовником стоит нетронутая под прилавком.

– Пойду. Решила я, – тихо, но твердо отозвалась Жиль. – Монеты на дороге не валяются.

– Да ты бы и тут его продала скоро. Его же всегда первым раскупают. Зачем тебе туда? – настаивал Монила.

– Там больше дадут.

– С чего взяла?

– Знаю. Да и господин вчера обещал.

– Не ходи, Жиль, предчувствия у меня.

– Перестань, Мон! – разозлилась Жиль. – Думаешь мне больно охота. Нужда гонит, а не любопытство.

– Тогда я пойду с тобой!

– Даже и не думай! Я сегодня нарочно ягод поменьше взяла, чтоб торговля спорилась быстрее. Вон почти ничего уже не осталось. И у тебя дело идет бойко. К обеду монет заработаешь побольше. Ничего со мной не случится, не волнуйся.

Монила еще несколько раз заговаривал на эту тему, пока Жиль с ним не поссорилась и не попросила не лезть не свои дела. Уходила с рынка она порядком сердитая. Да еще и корзины пришлось оставить под прилавком, не тащиться же с теми на скалу.

На экипаж тратится не хотелось, пришлось через весь го-

родок идти пешком. А потом еще и через каменистую равнину пробираться, пока не добралась до скалы, с виду такой неприступной, что страшно было даже голову вверх задирать. А где-то там на самой вершине притаился замок, про который ходит столько слухов. И именно туда лежит ее путь.

Тропинку Жиль заметила сразу. Да и вспомнила. Только сейчас она не представляла, как в детстве они могли тут лазать. Это же опасно! Запросто шею можно свернуть. И неужели нет другого пути?

Этот вопрос, заданный самой себе, заставил Жиль задуматься и двинуться в сторону вдоль скалы. Не могут же обитатели замка пользоваться этой опасной тропинкой каждый раз, когда им нужно в долину. Значит, другой путь просто обязан быть.

И правда, совсем скоро Жиль набрела на выдолбленную прямо в скале лестницу с веревочным ограждением с обеих сторон. Лестница не выглядела менее опасной, и ступени уходили вверх слишком высокие и крутые, но выбора у Жиль не было, другого пути явно нет.

Держась обеими руками за толстые веревки, она преодолела ступеньку за ступенькой. Оглядываться боялась, хватало того, что она отчетливо представляла пропасть за спиной. И старалась пока не думать, как будет возвращаться в долину. А еще Жиль радовалась, что торба за спиной с крышкой, и даже когда она кренилась, вцепившись в веревку, крыжовник находился в надежном укрытии. Только вот

волновалась она, не помялись ли ягоды со вчерашнего вечера. Стыд-то какой будет, если она принесет в замок кисель.

Последняя ступенька лестницы упиралась в массивную железную дверь с тяжелым кольцом. Немедля ни секунды, ибо сердце и так заходило от страха и усталости, Жиль схватилась за кольцо и несколько раз ударила им о дверь. Долго ничего не происходило, а потом послышался грубый окрик:

– Кто такая?

– Мне нужен управляющий. Принесла ягоды из долины, – не нашлась, что еще можно ответить Жиль.

И снова повисла тишина. Все это время Жиль держалась за кольцо. Казалось, стоит только выпустить то, как она скатится по лестнице и разобьется насмерть.

Когда она уже отчаялась и решила, что впускать ее не собираются, послышался звук отодвигаемого запора, и дверь протяжно заскрипела, отворяясь.

– Входи, – услышала она сначала голос, а потом и увидела здорового дядьку, чуть ли не вдвое выше нее. И с лицом таким страшным – на изъеденной какой-то болезнью коже крючком торчал огромный нос, глаза были навывкате и губы казались неестественно пухлыми.

Жиль еле как смогла заставить себя не рассматривать гиганта и ступила на просторную площадь со множеством построек по бокам. Прямо перед ней высился замок, к центральной двери которого и вела широкая мощеная камнем

дорога.

– Иди внутрь. Спросишь Понка. Он тебя проведет к управляющему, – буркнул мужик и захлопнул за ее спиной ворота с такой силой, что Жиль подтолкнуло вперед ударной волной, прокатившейся в воздухе.

Пока шла вперед, несмело оглядывалась по сторонам. Какой оживленный, оказывается, этот замок колдуна. Повсюду мелькают люди. И не просто суетятся, а все заняты делом. И скотиной пахнет, видно, хозяйство тут большое. Только вот земли нигде не было видно. Но возможно, участок расположен за замком и скрыт от глаз посетителей.

Дверь оказалась не запертой, и Жиль несмело ступила внутрь просторного холла, окутанного полумраком. Окна здесь располагались высоко и были такими узкими, что совсем мало пропускали света. И ни единой живой души – холл пустовал.

Как только глаза привыкли к полумраку, Жиль залюбовалась широкой лестницей с перилами, украшенными позолотой, и ступенями, застеленными бордовым ковром. А потом и колонны с огромными зеркалами в позолоченных рамах бросились в глаза. Блестящий пол, выложенный каким-то шлифованным камнем. И огромные двери с обеих сторон от входа и от нее, замершей у двери.

Не успела Жиль подумать, что нигде еще не встречала такого богатства, как дверь, что находилась справа, отворилась, впуская то ли мальчика, то ли маленького мужчину. Но

когда он заговорил и перекатываясь на своих кривых ножках направился в сторону Жиль, она поняла, что это карлик.

– Ты кто такая?! И чего тебе тут понадобилось? – голос у него был неприятный, скрипучий и смотрел он на Жиль, как на воровку, что пришла сюда с нечистыми намерениями.

– Мне нужен Понк, – невольно выпрямила она спину, и голос ее прозвенел чистотой помыслов под сводами холла.

– А по что он тебе? – остановился карлик, не доходя до нее пары шагов, и еще настойчивее вперил в нее глазки-бусинки, чернее ночи.

– Чтобы проводить к управляющему.

– А управляющий зачем нужен?

– Я принесла ягоду для господина.

Кого имела в виду под господином она и сама не знала. То ли самого колдуна, то ли того мужчину в черном с рынка, а может и этого Понка, который никак не хотел прийти ей на помощь.

– Что за ягода?

– Крыжовник.

– Королевский?

– Королевский и самый лучший в долине, – в этот момент Жиль снова мысленно взмолилась, чтобы ягода оказалась свежей.

– Иди за мной, – кивнул карлик и резко развернулся обратно к двери.

– Вы проводите меня к Понку? – решила уточнить

Жиль.

– Я и есть Понк, дуреха! – зыркнул он на нее злющими глазенками и поковылял вперед еще быстрее.

Больше Жиль ничего не спрашивала. В ее задачу входило не отстать от провожатого, который принялся петлять по коридорам, сворачивая то вправо, то влево. Запомнить дорогу казалось нереальным. Это Жиль напомнило заброшенные шахты, в которых они с Монилей тоже прятались в детстве. Правда, никогда не углублялись в лабиринт, боясь заплутать. Да и всегда помечали стены куском известняка, на случай экстренного отступления.

Возле одной из неприметных дверей, которых им на пути встретилось великое множество, Понк остановился и велел:

– Заходи и жди.

Только вот он забыл предупредить, что за дверью располагалась кухня, на которой суежилась пышнотелая кухарка, помешивая что-то сразу в трех небольших котелках. И пахло так аппетитно, что Жиль сразу же вспомнила, что ничего с утра не ела.

– Ты откуда тут? – всплеснула руками женщина, увидев ее, но сделала это не зло.

– Понк велел мне тут ждать управляющего, – пробормотала порядком растерявшаяся Жиль.

– А почему здесь? – पुще прежнего удивилась женщина.

– Может, потому что принесла ягоду? – пожала плечами Жиль.

– Это ж какую ягоду ты принесла? – в глазах кухарки появился неподдельный интерес, а сама она приблизилась к Жиль и втянула носом воздух. – Неужто крыжовник?!

– Целую торбу, – гордость не заставила себя ждать.

– Целую торбу?! Ну покажи же мне это чудо скорее!

Пока снимала торбу со спины, да распутывала кожаный ремешок, держащий крышку, кухарка аж приплясывала от нетерпения рядом. Жиль же недоумевала: эка невидаль – крыжовник. Да его на рынке в долине не то чтобы завались, но продается много, особенно в сезон. Правда, не такой крупный и сочный, как у нее, и не приносящий в сезон по два урожая. Ну так и ухаживает за ним она как за малым дитем. И землю удобряет, подкармливает... А раз в год навещается к местной колдунье, что матушку ее хорошо знала. Порошок та для земли особый готовит, заговоренный на второй урожай. Монет это стоит не мало, зато и окупается с лихвой. Ну и то что источник на их земле, делает ту особенно рыхлой и плодородной.

– Ах, загляденье! Так бы и смотрела... А вкус какой! Высшее наслаждение, – кухарка положила одну ягоду в рот и прикрыла глаза от наслаждения, раскусывая ту. – Не сок, а нектар. Не вкус, а райское наслаждение!

Жиль конечно льстила такая реакция, но все же она не удержалась от вопроса:

– Если вы так любите крыжовник, то почему не покупаете его на рынке, в долине? Могли бы сговориться с торговцами,

и они вам оставляли бы хоть каждый день.

– Ох, деточка, – посмотрела та на нее так грустно, словно пожалела за что-то. – Молодо – свято. Живешь чистой жизнью и грязные слухи тебя не касаются. А ведь в тех слухах много правды. Но и неправды тоже хватает.

– Я вас не понимаю, – качнула Жиль головой.

– Так а чего понимать, тут знать нужно...

Кухарка вдруг замолчала и приложила палец к губам, глядя на дверь. И тут же та распахнулась, впуская господина в черном с рынка. Только на этот раз одет он был в длинный и яркий халат. А вот под халатом просматривалась все та же черная одежда.

– Опять языком мелешь, Гура? – строго посмотрел он на кухарку, вид у которой был самый что ни на есть незаинтересованный.

– Ягоды пробую, господин Модир. Никогда еще такой вкусотищи не пробовала, – протянула она и ему горсть, но тот на нее даже не посмотрел.

– Пришла, значит, не побоялась? – обратился он к Жиль.

– А чего мне бояться, господин Модир? – вспомнила Жиль, как назвала его кухарка. – Да и это моя работа, – кивнула она на торбу, из которой уже Гура проворно и ловко перекладывала ягоды в таз, приговаривая, что негоже такой красоте, да в тесноте быть.

– Истину говоришь, девушка, – одобрительно кивнул мужчина и достал из кармана халата увесистый мешочек.

Жиль решила было, что он сейчас отсчитает и даст ей монет. Каково же было ее удивление, когда мужчина протянул ей мешочек целиком.

– Должно быть, тут слишком много, господин, – не спешила она брать плату.

– Так и путь ты проделала неблизкий, девушка. Бери, раз дают. Это не милость, а плата за твою работу, как правильно ты сказала, – взял он ее руку, вложил туда мешочек и сжал пальцы. А вот выпускать не торопился, пытливо всматриваясь в ее лицо своими серыми и странно-прозрачными глазами. – Принесешь завтра еще ягоду – получишь столько же, – предложил. – А будешь носить каждый день, пока не соберешь весь урожай, еще и сверху добавлю.

Предложение его было очень щедрым. Если она только с крыжовника столько заработает, то другие ягоды можно не носить на рынок, а заготовить на зиму побольше. И яйца можно будет выменивать на сыр, масло и молоко, а не продавать все. Да и что тут думать. Правильно она сказала Мониле – монеты на дороге не валяются.

– Я согласна, господин Модир. Если вам крыжовник мой пришелся по вкусу, значит, буду приносить, пока не отойдет.

Жалко только, что отойдет он уже скоро. Но это только первый урожай. К середине лета ягоды снова наспеют. Кто знает, может в замке и не успеют ими пресытиться.

Господин в черном в этот раз обошелся лишь кивком, видно, слова его дорогого стоили, не привык понапрасну расхо-

довать.

– Гура, накорми нашу гостью своими изысками, – обратился он вместо этого к кухарке. – Дорога обратная ей предстоит неблизкая. Да и в глазах ее я вижу голод.

– Да я...

Хотела ему сказать Жиль, что не голодна, что возвращаться ей нужно поскорее, чтоб успеть на занятия, да не успела. Слушать ее в его планы не входило. Так же стремительно как вошел, господин Модир покинул кухню.

– Да ты не стесняйся, малышка, – погладила ее по плечу кухарка. – За такую ягоду я просто обязана накормить тебя по-царски. Только вот сама я отлучусь с твоего позволения. Нужно мне переговорить кое с кем по делу.

Через пять минут перед Жиль стояла полная миска мясной похлебки, да такой густой, что даже хлеб в ней не тонул. А еще Гура налила ей кружку ароматного морса, пахнущего, правда, травами, а не ягодами. И ни единого знакомого запаха в целом букете Жиль не уловила. Но вкус морса, немного с горчинкой, ей очень понравился.

Не догадывалась Жиль, когда приступала к еде, что сбегала кухарка так поспешно, чтоб не сболтнуть при ней лишнего. В глазах управляющего та разглядела явную угрозу и не сомневалась, что не поздоровится ей за болтовню.

Не знала Жиль и о том, что пока вкушала вкуснейшую похлебку, за ней наблюдали две пары глаз сквозь потайные отверстия в стене.

И поблагодарить ей было некого за хлеб соль, когда миска и кружка опустели. А только Жиль подумала, как же она будет выбираться из замка, если даже примерно не запомнила дорогу, как дверь в кухню распахнулась, и вошел карлик – Понк.

– Наелась? А теперь давай, двигай на выход, – уже привычно грубо буркнул он.

И всю обратную дорогу, что следовала за карликом, Жиль размышляла на тему, что, видно, только в сказках они добродушные и веселые, а в жизни вон какие буки.

– Нравится?

Ответом Модире послужила тишина. Ландер продолжал рассматривать девушку, и его настроение никак не получалось уловить, как Модир ни настраивался.

– Кто она? – наконец, оторвался он от стены и повернулся к своему помощнику.

– Лоточница, с рынка.

– И что она делает в моем замке?

– У нее самый лучший крыжовник в долине. Я обошел весь рынок, но больше ни у кого такого не встретил, – ответил Модир, притупляя взгляд и зная, как не любит Ландер, когда он пытается лезть ему в душу.

– И как же она согласилась прийти сюда? – Ландер снова

прильнул к смотровому отверстию, наблюдая как быстро и аккуратно девушка ест, как слизывает своим розовым язычком остатки похлебки с ложки, как оглядывает кухню со здоровым любопытством. – Такая молодая...

– В том-то и дело! Молодая, наивная и очень занятая. Настолько, что ей нет дела до слухов, – растянул свои и без того тонкие губы в улыбке Модир.

– Кто она? – повторил свой вопрос Ландер, пристально глядя на помощника и пытаясь понять, что у того на уме.

– Я же сказал...

– Я не об этом, – нахмурился Ландер. – Что ты про нее еще знаешь, кроме того, что она торгует на рынке?

– Больше ничего. Вчера я увидел ее впервые. Ты знаешь, что из замка я выбираюсь не часто...

– Узнай про нее все, что сможешь, – вновь перебил управляющего Ландер. – Сегодня же!

– А чем вызван столь сильный интерес? – хитро прищурился Модир.

– Ты забываешься, – снисходительно усмехнулся Ландер. Но он уже давно позволил управляющему, а по совместительству и другу детства, гораздо большее, чем позволял остальным. – Сам не знаю... Что-то в ней есть, чего нет в других. Наверное...

– А знаешь, мне тоже так вчера показалось, – кивнул Модир. – Она не глупа и довольно бесстрашна. Она не прятала глаза, когда я с ней разговаривал.

– Даже так? – брови Ландера изумленно взлетели. Взгляд Модира мало кто мог выдержать. А уж когда тот замораживал его специально, то и вовсе собеседнику становилось плохо. – Очень интересно, – пробормотал, задумавшись.

С виду обычная девчонка. Даже замухрышкой можно назвать. Юбка какая-то нелепая на ней, не пойми какого цвета. Ботинки грязные и драные. Хотя она и прячет ноги старательно под стол, но он-то все видит. Да и привычка эта прятать уже сама за себя говорит, что стыдится она своего вида, одежды.

А ведь она красавица! Настоящая, без магического вмешательства. А похоже и сама об этом не догадывается. Одни ее золотистые волосы чего стоят. Ландер отчетливо представил, как блестят те на солнце. Даже показалось, то его ослепило.

– Узнай про нее все, что можешь, и что не можешь, тоже, – велел он Модире и покинул смотровую комнату.

Модир прильнул к стене как раз в тот момент, когда Понк выпроваживал девушку из кухни. Пора отправляться выполнять поручение хозяина. И начнет он с ратуши.

Глава 3

Спуск прошел на удивление легко. Возможно, тому способствовала пустая торба за плечами, а может, Жиль настолько испугалась заранее, что действительность оказалась не такой уж и страшной. Как бы там ни было, но очень скоро она уже бодро шагала по каменистой пустоши к Райской долине, а замок на скале остался далеко позади.

Только вот ее не покидало ощущение, что за ней наблюдают. Еще в замке, на кухне, она не могла избавиться от неуютного чувства. Постоянно хотелось оглянуться или даже почесаться. Одернуть юбку или поправить волосы. Возможно, останься кухарка с ней, ничего бы такого Жиль не испытывала. Скорее всего, накрутила она себя сверх всякой меры. Но даже сейчас, все больше удаляясь от замка, она боролась с желанием оглянуться и найти кого-то или что-то взглядом.

А еще она все размышляла, что же такого не успела сказать ей кухарка, и на что та намекала, когда так сильно удивилась, увидев ее.

В школу она уже опоздала. Даже если очень поторопится, не успеет и на последний урок. К такому ей не привыкать, и Жиль знала, что сегодня вечером потратит больше времени на учебу. Ну а пока решила завернуть к Мониле. Тот уже должен был вернуться с рынка, и Жиль надеялась застать друга дома.

Жили Монила с мамой и отчимом на другом конце долины, на самом отшибе. И дом их первым вырос на пути, когда Жиль вошла в городок. И друга своего она разглядела за частым забором. Тот плел рыболовные сети во дворе дома. На рынке он оговорился, что в выходные отправляется с отчимом на рыбную ловлю. У них и лодка имелась.

А вот Жиль у моря была всего два раза. Один раз, когда была еще совсем малюткой, и ходила туда с мамой, чего она не помнила и знала только по рассказам тети. А второй раз они устроили вылазку к морю вместе с Монилой, за что потом оба сидели под домашним арестом.

Вот оно, море – вроде и рядом, прямо за скалами, но путь туда неблизкий и занимает целый день. Жиль даже по выходным не могла себе такого позволить. А теперь и подавно.

– Рад, что ты вернулась живая и невредимая, – буркнул Монила, завидев Жиль, входящую в калитку.

Обиделся, – сразу поняла она, но виду не подала.

– А чего мне будет? Снесла ягоду, заработала монет, – показала она другу полный мешочек, – домой возвращаюсь. Решила вот к тебе заглянуть. Как поторговал сегодня?

– Лучше чем вчера, – уже не так сердито отозвался друг. Оттаивает, значит.

Жиль присела возле него на бревно и вздохнула. Она не знала, с чего можно начать разговор на интересующую ее тему. А вот тем, как ловко орудует друг специальным крючком, и как быстро мелькают его пальцы, сразу же залюбовалась.

Молодец Монила – многое умеет делать своими руками. Она же вот только и способна, что выращивать ягоды.

– Какой он? – первый заговорил Монила. – Колдун этот? – посмотрел парень на Жиль.

– Так я ж его не видела. С кухаркой познакомилась, злобным карликом... Заплатил мне управляющий – тот самый, с рынка. А колдуна не видела, – и хвала Богине! – добавила про себя. А вот тому, что Монила заговорил на эту тему сам, порадовалась. – Слушай, а ты не знаешь, чего люди боятся? Почему не ходят в замок?

– А они чего-то боятся? – с удивлением посмотрел на нее Монила. И тут Жиль с огорчением поняла, что с чего она взяла, будто друг знает больше? Ведь он так же как и она совершенно не интересовался сплетнями. Зато, теперь она, кажется, знает, кого можно попытать. Тетушку Зуи. Точно! Уж кто-кто, а та в курсе всех сплетен в долине. Эти сплетни к ней сами стекаются, из уст всех тех кумушек, что так любят просиживать рядом и болтать всякую ерунду.

С тетей получилось поговорить только ближе к вечеру, как управилась со всеми делами. Про поход в замок Жиль решила не рассказывать, как и большую часть монет спрятала в тайник. Да и вообще, никто кроме Монины об этом знать не должен. А ему она верит как себе, если обещал молчать, то под пытками не выдаст тайну.

Как назло, к Зуи сегодня шли и шли. Приятельницы, соседи, даже вон продавец из рыбной лавки заглянул. И сидит,

невзирая на уже довольно поздний вечер. И разит от него так, что Жиль даже в своей комнате чувствует, словно под носом у нее стоит корыто со свежей рыбой. А тетушке хоть бы хны. Должно быть, травка притупила в ней способность улавливать запахи. Подобные мысли насмешили, хоть смешного в том и мало было.

Грела душу и позволяла стойко бороться со сном мысль, что сегодня Жиль заготовила на зиму три баночки малинового варенья. А завтра столько же наварит ежевичного. Все же, нужно поблагодарить еще раз управляющего замка, за то что дал ей такую возможность. И половину яиц она пустила сегодня на пышный бисквит, из которого завтра смастерит торт. Пировать, так пировать. Правда тете пришлось солгать, что яйца сегодня продавались из рук вон плохо. Та конечно, поворчала, но на бисквит весь день смотрела и облизывалась. Жиль точно знает, кто завтра съест добрую половину торта.

Наконец-то и пахнувший рыбой знакомый Зуи покинул их дом. Самое время для разговора. Да и после его визитов тетя обычно была настроена благодушно, уж не потому ли, что тот оказывал ей знаки внимания большие, чем просто знакомой?

Странные вещи мне поведала тетушка Зуи...

Сначала, правда, я ее никак не могла разговорить и настроить на нужный лад. Твердила как заведенная: «Горис,

Горис...» Горис – это тот самый дядька из рыбной лавки. Фу! После его ухода пришлось долго проветривать дом. И на ночь я оставила щелку в двери, чтоб сквозняком вонь выгнало. Но я отвлеклась...

Кое как мне удалось привлечь внимание тети и заставить ту забыть хоть на время своего Гориса. Спать она уже хотела нещадно и зевала безостановочно, но и мне было важно поговорить с ней именно сегодня. Ведь завтра мне снова взбираться на скалу.

– Да сдался тебе этот колдун! – разозлилась Зуи, когда я в который раз заговорила на эту тему. – Кстати, чего это ты им так интересуешься? – подозрительно уставилась она на меня.

Пришлось быстренько придумывать историю, как подслушала я разговор на рынке, будто место на скале, где стоит замок, считается нечистым. Вот и не ходят туда люди.

– Тьфу ты! – сплюнула тетя прямо на пол, нимало не заботясь, что сегодня я его драила себя не щадя. – Дурни! Языками мелят почем зря! А потом вот и ползут все эти сплетни...

– Ну ведь это правда, что люди туда боятся ходить? – настаивала я, видя как все сильнее у тети соловеют глаза. Нет, нет и нет! Уснуть я ей позволить сейчас не могла. Она точно что-то знала – по лицу ее хитрому читала.

– Не люди, дуреха. А девки! Прячут девок своих матери-наседки. И ты смотри, не суйся туда ни под каким пред-

логом! – прикрикнула еще на меня, да замахнулась для пущей важности, хоть за всю жизнь и пальцем не тронула. Ворчала, кричала, но не била, даже в детстве.

– А почему прячут-то? – старалась я не подать виду, что последняя ее фраза напугала меня.

– Да проклятие, поговаривают, на роде того колдуна. Вековое. Неснимаемое... – и закрыла глаза.

– Что за проклятье, Зуи? – тронула я ее за плечо, выдергивая из дремы. Не время еще спать, не время. Я еще не услышала самого главного. Заранее знала, что правда мне не понравится, но я должна была ее знать.

– Вот же пристала, что та пиявка в стоячем пруду! – разозлилась тетя. – Не знаю я, в чем смысл проклятья. Но говорят, что жена его примет насильственную смерть, как и мать когда-то давным-давно.

– А колдун женат? – вот это новость!

– Ну ты совсем тупая, что ли?! – оттолкнула меня Зуи от себя и повалилась на тахту, устраиваясь поудобнее. – Не женат! Потому и не пускают туда девок, чтоб не приглянулась одна из них. Все, оставь меня в покое. Дай поспать, – и почти сразу же захрапела.

Я еще какое-то время сидела возле нее, обмозговывая услышанное.

Ерунда какая-то получается. Да и про проклятье, скорее всего, все выдумки. Я и того не знала, что мать колдуна умерла молодой. Ну получалось, что молодой, раз дав-

но уже это случилось. В проклятья я верила, конечно. Когда вокруг столько ведьм, магов и колдунов, наложить проклятье на кого-нибудь проще простого. Но он же сам колдун! Да и не бывает таких проклятий, которые невозможно снять. Другое дело, что многие не знают, как это сделать. Это я уже знала от знакомой ведьмы, что продавала мне заговоренные удобрения.

Надо бы еще разговорить кухарку, но как? Господина Модира она сегодня явно испугалась. Скажет ли она мне больше завтра?

Тем же вечером Модир прибыл с докладом к господину. Узнать про маленькую лоточницу всю подноготную оказалось проще простого. Основная информация, касающаяся ее рождения и наследственности, была записана в гражданской книге, что хранилась в архивах ратуши. Ну а остальное Модир сопоставил, додумал, переговорив кое с кем, кто был близок с девушкой. Например, директор школы девочек-сирот. Добрейшей души старичок. Охотно поведал Модир все, стоило тому только намекнуть, что рассматривает кандидатуру Жиль в качестве установления опеки над ней.

– А что известно про ее отца? – не слишком заинтересованно уточнил Ландер.

Они с Модиром расположились на летней террасе замка

с видом на море. Солнце уже клонилось к горизонту. В тени деревьев создавалась приятная тень. А со стороны обрыва дул легкий ветерок, прогоняя остатки жары.

– Безотцовщина она. В гражданской книге напротив этой графы стоит прочерк. И люди толком ничего рассказать не смогли. Знаю только, что гостила мать ее у кого-то из друзей, далеко отсюда. А в долину уже вернулась брюхатая.

– Приблуда, значит? – кивнул Ландер.

– Получается, что так. Тетка ее – еще та дрянь, – скривился Модир.

Эту жирную корову ему сегодня пришлось лицезреть, когда якобы ошибся домами. На самом деле, сделал он это специально, чтоб посмотреть, в каких условиях обитает маленькая лоточница. Чуть не задохнулся в наркотическом угаре, да и нищета, царящая в доме, шокировала даже его, привычного и повидавшего многое. Да еще и эта толстуха едва с крыльца его не спустила и орала так, что на всю округу слышно было.

– А что тетка?

– Эта тварь, как отправилась мать малышки в иной мир, продала свою хату-развалюху и переехала жить к девочке, якобы чтоб заботиться о той. Сама же шлялась целыми днями. За ребенком приглядывали соседи. Монеты прокутила за месяц. А потом побиралась, и сироту заставляла. Той из жалости давали больше. Так дело обстояло несколько лет, пока не подросла девочка и не пошла в школу. С тех пор она

работает, не покладая рук. Как еще учиться успевают? И корову эту на себе тащит, – вновь брезгливо скривился Модир.

– А зачем та ей? – все так же равнодушно удивился Ландер. История трудного детства лоточницы того явно мало трогала. И Модира это не устраивало. Следовало давить на жалость сильнее, чтобы хоть что-то расшевелить в душе этого знатного, но холодного пуэра¹.

– Родня, – пожал он плечами. – Никого роднее у нее нет. Любит, наверное, по-своему, – хоть сам он не представлял, как можно любить подобные отбросы общества.

– Что-то еще? – повернулся к нему Ландер, которого, казалось, морские просторы волновали и интересовали гораздо больше, чем то что рассказывал Модир.

– В этом году она заканчивает школу, правда, на два года позже всех остальных выпускников. Болела вроде много... Директор школы в ней души не чает, внушал мне, что она одна из самых умных и талантливых учениц. Кстати, я заглянул в списки экзаменационной комиссии. Ты там тоже есть, – выдал скупую улыбку Модир.

– И снова они забыли спросить меня, – скривился Ландер. – Ох уж эта мне общественная повинность!..

Ландер уже много лет состоял почетным членом городского магистрата. Только вот в заседаниях участия не принимал почти никакого, как и в жизни долины. Разве что, не отказывался от настойчивых приглашений, когда важен был

¹ Пуэр – высокородный, заслуженный гражданин города.

каждый голос. Ну и очень редко его вносили в какие-нибудь списки общественной повинности, как вот в этот – экзаменационно-приемной комиссии. И неизменно это вызывало раздражение в душе уважаемого пуэра.

– Не считаешь, что тебе следует познакомиться с ней поближе? – решился на прямой вопрос Модир.

– К чему ты клонишь, Мод? Дело ведь не только в крыжовнике. Давай начистоту. Я же понимаю, что не просто так ты заманил эту птаха в мой замок, – наконец-то, заинтересованно посмотрел на него Ландер.

– Почему птаха? – удивился Модир.

– Сам не знаю, – пожал плечами Ландер. – Птаха, ну! – в легком раздражении отвернулся.

– Как давно к тебе в замок забредали молодые девушки? – вкрадчиво поинтересовался Модир. – Самая молодая, кого ты лицезришь каждый день – это Гура. Да и той не так давно исполнилось тридцать.

– Дальше что? Ну говори же уже! Не таись!

– Жениться тебе пора, Ландер.

– И не жалко тебе ее? – усмехнулся мужчина, испытав в душе мимолетный приступ тоски, которая вспыхивала каждый раз, стоило ему только задуматься о будущем.

– Ее судьба пишется на небесах, не мы ее направляем, – задумчиво отозвался Модир.

Жалко ли ему было эту малышку? Разве что самую малость. Но с того самого момента, как только увидел ее, Мо-

дир не сомневался, что никого лучше не найдет. Было в малышке что-то такое, что притягивало взгляд, заставляло не забыть о ней сразу же. И Ландер тоже клюнул, только и самому себе не хотел в этом признаваться.

– Когда она придет? – вновь поинтересовался пуэр.

– Обещалась завтра, если не испугается.

Но сам он не сомневался, что лоточница придет. Не побоятся слухов и неприступности скалы. Монеты решают все. Она в них нуждается, а он ей щедро платит. И именно это обстоятельство перевесит чашу весов в его пользу.

– Хорошо, – кивнул Ланлер. – Я встречусь с ней. Проводи ее после всего сюда. Я буду ждать ее.

– И ты обещаешь не спугнуть ее сразу же, не оттолкнуть ледяной неприступностью?

– Хватит, Мод! – прикрикнул Ландер. Настойчивость управляющего порядком надоела. – Ты переходишь все дозволенные границы. И я сам решу, как мне с ней себя вести. Делай то, что тебе поручено.

– Как скажете, господин, – встал Модир с кресла и поклонился. – Удаюсь с вашего позволения.

– Иди, – кинул ему Ландер и снова уставился на море.

И что он только в нем нашел?!

Обида и раздражение не сразу утихли в душе, хоть Модир и приучил себя уже давно к смирению. Видимому смирению. Но сейчас, когда он одной ногой встал на дорожку, ведущую его напрямиком к цели, следует быть особенно осторожным.

Было кое-что еще, что Модир узнал в ратуши. Это касалось земельного участка, которым владели лоточница и ее противная тетка. Из-за бьющего из земли источника цена на участок возрастала с каждым годом. И несмотря на налог, что исправно вносился в казну каждый месяц, власти города решили такие участки сделать собственностью долины, а по-простому, отобрать у жителей. Но! Все же они оставили лазейку. Назначили откупную. Только вот размер откупной удивил даже Модира, который считал себя довольно-таки зажиточным гражданином. И у малышки Жиль точно не наберется столько монет. Вот на этом он и собирался сыграть в последствии, если лоточница будет упрямиться.

Глава 4

Ускользнуть из дома незаметно не получилось. Как Жиль старалась не шуметь и поскорее управиться с делами, но в самый последний момент задела в сенях ногой ведро, и то свело все ее старания на нет, долго катясь по полу и мстительно громыхая.

– Жиська!.. – раздалось хриплое из комнаты. – Жиська, принеси свежей холодненькой водицы из источника.

Делать нечего – пришлось скидывать торбу и наполнять крынку водой. А по возвращение Жиль застала тетю в дверном проеме. И ведь никогда не поднималась с тахты в такую рань, а тут на тебе. Конечно же, допрос не заставил себя ждать.

– А чего это ты сегодня налегке решила на рынок отправиться? – сварливо поинтересовалась Зуи, уперев руки в бока. Саму пошатывало после вчерашнего угара, но Жиль она буравила крайне недовольным взглядом.

Пока Жиль собиралась с ответом, лихорадочно соображая, что же такое сказать, Зуи жадно хлебала воду, половина которой стекала по подбородку и затекала в вырез сорочки.

– Мне сегодня надо обязательно успеть в школу, – не придумала ничего лучше Жиль. Хотя, лукавила она разве что самую малость – в школу она, действительно, сегодня планировала успеть на все уроки. Если, конечно, быстро осво-

бодится в замке. Ну и ей уже пора было бежать, путь предстоял неблизкий.

– Школа, школа... Далась тебе эта школа! Умнее все равно не станешь, как и богаче. Кому нужен твой ум и сообразительность, если нищенка ты, бесприданница, да еще и приبلуда к тому же.

– Благодарю, тетя Зуи, что лишний раз указала мне на мое место, – обозлилась Жиль, чего с ней давно не случилось. Не то чтобы она мечтала о богатстве и более удобной жизни, но все же надеялась на лучшее. А Зуи несколькими фразами умудрилась посеять тоску в душе и испортить настроение дальше некуда.

Больше Жиль слушать ворчунью не собиралась. Она шагнула за порог и прикрыла за собой дверь, не обращая внимания на то, что тетя продолжала ворчать, как и не вслушиваясь в слова той. Все равно, ничего доброго она там не услышит.

Злость подгоняла Жиль, и до скалы на этот раз она добралась очень быстро. Правда и запыхалась не слабо. Пришлось какое-то время выравнивать дыхание и охлаждать пылающие щеки, перед тем как приступить к подъему.

Во двор замка ее впустил все тот же верзила, разве что на этот раз не заставил ждать, рискуя сверзиться в пропасть.

Вредный Понк, видать, сегодня был вообще не в духе (Жиль даже задала себе вопрос, а умеет ли этот карлик улыбаться, веселиться?) – молча сделал знак ей следовать за ним

и покати́л вперед еще быстрее чем вчера. Только одного он не учел – Жиль тоже все еще злилась. А злость придавала сил. И на поворотах она даже умудрялась налетать на него, за что тот неизменно припечатывал ее сердитым взглядом, но опять же молча. В молчанку он что ли сегодня играет?

Когда Понк остановился возле кухни и уже собрался убежать, Жиль сделала то, чего и сама от себя не ожидала. Она обхватила голову Понка руками и звонко поцеловала того в лоб. И тут же испугалась, когда карлик резким хлопком припечатал ладонь к своему лбу.

– Это еще зачем? – буркнул он, глядя на Жиль снизу-вверх.

– Чтоб не был таким букой, – немало растерялась она, но виду не подала. И что на нее нашло, в самом деле? Словно что-то свыше подсказало поступить именно так. – Улыбка красит человека.

– Не умею я этого, – и так и ушел, не убирая руку ото лба.

Вопреки ожиданиям, на кухне Жиль встретила не кухарку, а управляющего. Тот сидел за столом и писал что-то в толстой амбарной книге. На девушку взглянул не сразу, а лишь когда поставил последнюю закорючку.

Ну вот, а она так надеялась разговорить добрую женщину. Но этот мрачноватый тип, видно, специально ту отправил куда-то. И откуда только прознал, что Жиль придет сегодня пораньше?

– Принесла ягоду? – встал управляющий из-за стола и

приблизился к Жиль.

Только она собралась снимать торбу, как тот решил оказать ей помощь. Его холодные пальцы словно невзначай коснулись обнаженного участка на шее Жиль. Невольно вздрогнула, настолько неприятными показались ощущения.

– Вы даже не проверите, все ли ягоды целы? – удивилась Жиль, когда тот небрежно составил торбу на стол и протянул ей еще более, чем вчера, увесистый мешочек.

– Зачем? Если у тебя самые лучшие ягоды в округе, – равнодушно пожал управляющий плечами, и Жиль даже стало немного обидно. А ведь сегодня она собирала крыжовник утром, чтоб уж точно не помялся, попал в замок свежим. – Там на пару медяков больше. Это за торбу. купишь себе новую.

И это Жиль тоже не понравилось. Торбу она не покупала, а плела сама, под себя. И теперь ей придется потратить пару часов, чтоб смастерить новую. Но спорить она не стала. Что-то и управляющий сегодня казался ей не в духе. Интересно, кто их всех так расстроил с утра пораньше.

– Пойдем, – развернулся господин Модир к двери и пригласил Жиль следовать за ним.

Сначала она подумала, что он сам проводит ее на выход, но когда поняла, что свернули они не в ту сторону, не удержалась от вопроса:

– А разве выход не в той стороне? – указала в противоположную.

– С тобой хочет переговорить хозяин этого замка.

Колдун?! Он ведет ее к самому колдуну?! Жиль аж замерла от неожиданности.

– Ну чего же ты застыла? Не съест он тебя, – выдавил управляющий скупую улыбку. – Или ты веришь всем этим досужим сплетням?

– Не верю, но все же...

Договорить она не успела – Модир обхватил ее руку выше локтя и настойчиво повел за собой, не давая возможности освободиться.

– И о чем со мной хочет переговорить ваш хозяин? – заинтересовалась через какое-то время Жиль, безуспешно пытаясь высвободиться из властного и крепкого захвата.

– Он мне не хозяин! – застыл управляющий, словно на его пути внезапно выросла преграда.

Жиль невольно последовала его примеру, потому что рука того сжала ее предплечье еще сильнее, даже стало больно. И проговорил он это не глядя на нее, как-то глухо и сквозь зубы. А потом посмотрел на нее, и его прозрачные глаза показались Жиль пугающе пустыми, словно из них исчезла жизнь.

– Ландер мой господин и хозяин замка. Все мы, живущие и работающие у него, подчиняемся его приказам. И я в том числе. Сейчас мне приказано привести тебя. Что я и делаю...

– Но я не обязана подчиняться его приказам! – вспыхнула Жиль, чувствуя, как все сильнее он сжимает ее руку. – От-

пустите. Мне больно, – тише попросила.

Модир словно опомнился и выпустил ее руку. Жиль невольно растерла то место, чувствуя как кровь с новой силой заструилась по жилам.

– Прости, – пробормотал управляющий. – И все же, несмотря на явное твое нежелание, я прошу тебя следовать за мной. Обещаю, от беседы с хозяином замка никакой беды с тобой не случится.

Странное дело. В его словах она услышала какое-то пророчество. И так на миг стало страшно, что даже волосы на голове зашевелились. Наложило отпечаток еще и то, что стояли они посреди темного и узкого коридора замка. Освещался коридор редкими факелами. Последний они уже давно миновали, а следующий призрачно мерцал где-то еще только за поворотом. И господин Модир вел себя довольно странно, но хоть схватить ее больше не делал попыток. И то хорошо!

Очень скоро к радости Жиль впереди замаячил дневной свет, что становился все ярче при их приближении. Когда она вышла вслед за Модиром на просторную площадку, то дух захватило от той картины, что открылась взору.

Жиль не ошиблась в своих предположениях – земля находилась за замком. Ею были засыпаны выбоины в скале, круглой, прямоугольной и квадратной форм. И во всех них росли где карликовые деревья, усыпанные мелкими разноцветными бутонами (Жиль даже не могла припомнить, видела ли она где раньше такие деревья, настолько те выглядели экзо-

тическими), где пышные цветы. Все это показалось ей безумно красивым, но таким бесполезным, что сразу же в душе зародилась жалость. Как можно использовать такую драгоценность, как землю, лишь для улады глаз? Когда на всех этих клумбах, каждая из которых больше всего ее огорода, можно вырастить столько полезных вещей.

На самом краю обрыва раскинулась витая беседка. И только сейчас Жиль заметила в беседке мужчину, что стоял к ним спиной, облокотившись на перила.

Модир снова повел себя странно. Какое-то время он молча стоял рядом с Жиль и смотрел в спину своему господину. Он словно ждал, что тот обернется, но этого не происходило. А потом он отрывисто бросил:

– С твоего позволения, оставляю тебя... обратно Понк проводит, – и скрылся в темнеющем за их спинами коридоре.

А ей что прикажете делать? Продолжать созерцать всю эту бесполезную красоту?

– Подойди, – услышала она голос, едва успела подумать, – раз уж пришла...

Можно подумать, она напрашивалась! Чем вызвано столько странное поведение и нотки раздражения в голосе? Она может и уйти, если ему так неприятно. И уж точно она не будет бояться, даже если перед ней самый злой колдун в мире.

Жиль сделала несколько шагов вперед и снова остановилась.

– Сердце птицы затрепетало? – вновь раздался его голос,

и на этот раз в нем прозвучала насмешка.

Это он ее так назвал? А причем тут сердце? Оно спокойно, как и сама Жиль, разве что немного не уверена в себе, как и в том, что вообще здесь делает.

Размышляя так, Жиль приблизилась к беседке и вошла в нее. Хозяин замка так и не соизволил повернуться. А может, у него имеется тайный третий глаз на затылке? – мелькнула шальная мысль в голове Жиль, и тут же раздался его смех. А потом она увидела и лицо колдуна.

– Как же громко ты думаешь, птаха, – рассматривал он ее довольно откровенно с ехидной ухмылочкой на губах.

Жиль же тоже не теряла времени даром и буквально впитывала в себя образ колдуна. Все же, о ком так много думаешь, становится для тебя интересен, как редкая букашка. Редкая, ядовитая и опасная.

А он довольно красив, хоть и выражение глаз портит столь классические черты лица. А еще ему не мешало бы побриться, да пригладить волосы, что растрепал ветер с моря. Высок, статен, камзол на нем расшит золотом вдоль ворота и по манжетам.

И все же он не понравился Жиль. Было в мужчине что-то отталкивающее. Возможно, все тот же холодно-пренебрежительный взгляд, которым он сейчас следил за ее лицом. А еще он самым бессовестным образом читал ее мысли, и это не нравилось Жиль больше всего. Кто дал ему такое право, если единственное, чего она не могла сделать, так это не ду-

мать ни о чем в данную минуту?

– Иди сюда, – протянул он руку, словно предлагал ей вложиться в ту свою.

Но она слишком далеко от него стоит и отчего-то боится сокращать это расстояние. Ведь там, впереди, обрыв, а она боится высоты. Даже смотреть на море страшно, хоть и ужасно хочется.

– Я не дам тебе упасть, птаха. Подойди.

Жиль сделала несколько неуверенных шагов и оказалась от колдуна на расстоянии вытянутой руки. Вот тогда он сделал то, что планировал с самого начала, – взял ее за руку и притянул к перилам, поставил рядом с собой лицом к морю.

– Хотела бы летать над ним?

Смеется он над ней что ли? Он задает такие вопросы, ответов на которые либо нет, либо они очевидны.

– Я не умею летать, господин, – рискнула все же Жиль нарушить молчание.

– Птаха без крыльев, – задумчиво произнес он. – А хотела бы? – вновь всмотрелся в ее лицо.

– Нет, господин, не хотела бы. У меня есть дела поважнее.

Очень некстати Жиль вспомнила, что время идет, а она все еще в замке. Что совсем скоро начнутся занятия в школе, и на первые уроки она вновь не успевает. И все ради чего? Чтобы отвечать на нелепые вопросы?

– Знаешь ли ты, почему я беру у тебя ягоды? – удивил он ее следующим вопросом.

– Потому что они у меня самые лучшие в долине? Хотя, вы на своей земле могли бы получать еще больший и лучший урожай. При должном...

– Здесь не растет ничего, что могло бы согдаться в пищу! – резко и довольно громко перебил он ее.

– Почему? – не удержалась от вопроса Жиль.

– Земля проклята. Она дарит мне красоту, но эта же красота и способна убить.

Этого уже Жиль не могла понять, но его слова о проклятии напугали. Кто же прокликает землю? И не побоялись они гнева Богини?

– Как печально, – отозвалась Жиль, и в душе ее поселилась грусть. Сейчас она жалела невинную землю, которую так сильно любила.

– Из ягод я готовлю специальную настойку, что продлевает мне жизнь, – продолжил колдун, и Жиль в страхе замерла, боясь даже дышать. На подобные откровения она не рассчитывала и слышать их не хотела и подавно. Но и заставить его замолчать не могла. – У меня редкое заболевание крови. С каждым годом она становится все жиже и бесполезнее. И если бы не настойка, то я бы уже не стоял тут рядом с тобой. Был бы не жив и не мертв, – усмехнулся он, но совсем невесело. И взгляд его был снова прикован к морю. Видно, в нем он тоже черпал силу.

– Зачем вы мне все это говорите? – поинтересовалась Жиль. Для чего он рассказывает такое о себе совершенно

постороннему человеку?

– Чтобы посмотреть на твою реакцию.

– И какая же она?

– Вот ты мне и скажи. Что чувствуешь? Нет, не правильно, – тряхнул он головой. – Какие чувства я вызываю у тебя?

– Жалость, – не стала лукавить Жиль. Странно жалеть столь сильного и довольно молодого еще мужчину. Но именно это она и испытывала. А он спрашивал правдивого ответа.

– Вот как? – задумчиво протянул он и посмотрел на нее уже с большим интересом. – А ты смелая. Жалеть меня еще никто не отваживался, – уголки его губ тронула улыбка.

– Господин...

– Ландер. Меня зовут Ландер.

– Господин Ландер, я согласна и дальше приносить вам каждое утро ягоду, если она вам жизненно необходима. Надеюсь, ваша умелая кухарка сможет ею распорядиться и приготовить впрок, чтобы вы могли и дальше готовить настойку...

– Но? – улыбка его стала шире, словно он заранее знал, что услышит дальше.

– Но сейчас я очень спешу и прошу отпустить меня.

С ответом он не спешил, и его разглядывания Жиль уже порядком надоели. Щеки пылали, и она не знала, куда спрятаться от его внимания. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться подальше и от колдуна, и от его замка.

– Иди, – наконец соизволил заговорить он. – Понк выйдет

тебе навстречу, – и отвернулся, как будто ее сейчас же не стало рядом.

Но Жиль все устраивало, и она поспешила с террасы.

Модир поджидал Жиль в холле первого этажа. Он знал точно, что аудиенция долго не продлится. А еще он догадывался, в каком настроении появится девушка, и не ошибся. Она выскочила из коридора еще раньше, чем появился Понк. Выглядела лоточница смущенной, раздраженной, взбудораженной. И это только главные эмоции, которые Модиру удалось уловить сходу. Расчет оказался верным, и улыбка удовлетворения не заставила себя ждать. Ну и осталось закрепить результат.

– До завтра, господин Модир, – бросила ему девушка и уже собиралась прошмыгнуть мимо к распахнутой двери, когда он выставил руку, преграждая ей путь. Коснуться ее на этот раз не решился, понимая, что в пылу эмоций вел себя там, в коридоре, не совсем достойно.

Лоточница замерла и смотрела на него удивленно и немного напугано. От руки его попятилось, и Модир поспешно убрал ту, не сдержав легкого раздражения. Скажите на милость! Недотрога нашлась! Да любая другая сочла бы за честь... Впрочем, мысли его свернули не туда, а сосредоточиться следовало на главном. Еще какое-то время Модир

потратил на то, чтобы вспомнить ее имя.

– Жиль, – наконец, произнес он. – Не нужно завтра приходить в замок.

– Вы отказываетесь от моих услуг? – заметно расстроилась она, хоть и старалась не подать виду.

– Нет, конечно, – поспешил успокоить бедняжку Модир. – Просто как раз завтра с утра я буду по делам в долине и сам приду к тебе за ягодой.

– Вот как? – заметно расслабилась она, но тут же снова нахмурилась. – А в котором часу вы планируете нанести мне визит?

Тут уже Модир не сомневался, что вопрос ее напрямую связан с той жирной коровой, что называлась ее тетушкой.

– Во сколько тебе будет удобно, – снисходительно предложил, хоть и хотел ее немного помучить, самую малость. Уж больно нравилось Модире рассматривать ее мордашку, когда мысли девушки находились в смятении.

– Тогда, если можно, на рассвете, – быстро проговорила она. – Не сильно рано? – тут же спохватилась.

Так-так... Получается, что от тетки она свои походы в замок скрывает по какой-то причине. Модир не сомневался, что Жиль хочет продать ему ягоду до пробуждения этой толстухи. Ну что ж, и на такие уступки он готов пойти ради будущей цели.

– Хорошо. Приду, едва займется рассвет.

– Благодарю, господин, – слегка поклонилась она и снова

неуверенно посмотрела на дверь.

Модир вынужден был посторониться, хоть и по самому ему непонятным причинам хотелось задержать ее подольше.

– До свидания, – кивнула она ему и поспешила на выход с территории двора замка.

Он же продолжал какое-то время смотреть ей вслед, не понимая, отчего же ему так хочется, чтоб она обернулась, взглянула на него своими ясными голубыми глазами? А когда Жиль скрылась за воротами, Модир вздрогнул, обнаружив застывшего рядом с собой Понка.

– Тебе чего? – спросил с раздражением.

– Жду ваших распоряжений, – без всякого выражения проговорил карлик. – Вы сказали, что к обеду я вам стожусь для какого-то дела.

– Жди меня через полчаса в лаборатории. А сейчас мне нужно побыть в одиночестве.

После этих слов Модир быстро скрылся с глаз не в меру исполнительного слуги. Не известно почему, но ему всегда казалось, что Понк себе на уме и только прикидывается простачком. Какие мысли бродили в голове того, определить не получалось никогда. Карлик отлично освоил искусство затуманивания мыслей и отвода глаз. Чаще Модир вообще не замечал того, даже когда он находился рядом. А жизнь научила Модира остерегаться тех, кого не мог понять, прочитать.

В замке Модиру были отведены покои из четырех комнат, уборной и просторной гардеробной. Его покои разве что

немного уступали по размерам и роскоши хозяйским. Сказывалась давняя дружба и то, что росли они с Ландером вместе. Старый пуэр, отец Ладнера, любил Модира как сына. Особенно они сблизились после смерти его родного отца. А на смертном одре пуэр велел сыну оказывать Модире всяческое покровительство, не отлучать от себя, если таковым не будет его волеизъявление. И Модира все устраивало. Можно считать, что устроился он в этой жизни по высшему разряду. И сейчас он, наконец-то, вышел на финишную прямую, которая рано или поздно приведет его к желанной цели.

Глава 5

Сегодняшним днем, ну не считая утренних событий, я бы была довольна, если бы не одно обстоятельство, воспоминания о котором до сих пор вгоняют меня в краску стыда.

Я очень спешила из замка обратно в долину. Так спешила, что едва не поскользнулась на лестнице. Хорошо, смогла удержаться за поручень. А иначе... страшно представить, одним словом, что запросто могла бы повторить судьбу моей бедной матушки.

Карман грел мешочек с монетами, на которые сегодня во второй раз расщедрился странный господин Модир. Я уже посчитала, сколько отложу впрок, а какую часть позволю себе потратить. Ну и конечно же, нельзя было не учитывать потребности тети Зуи, которые рано или поздно сведут ее в мир иной. И скорее рано, чем поздно.

В школу я разве что опоздала на первый урок, чем заслужила недовольный взгляд преподавателя чистописания и словесности. Да и то совсем на немного. Чего уж так сердиться?

Все остальные уроки я добросовестно отслушала, и тетрадки мои значительно пополнились новыми знаниями.

А вот после уроков меня пригласила к себе на беседу дама Лиссандра. Она ведет у нас искусство хороших манер и следит за дисциплиной в нашем классе. На нее мне всегда

немножко больно смотреть, такая она красивая и ухоженная. Кожа у нее белая, словно купается в молоке. А глаза ясные и синие. Строишь в них и кажется, что сейчас там, в их глубине, промелькнет стайка золотых рыбок, каких я однажды видела у кочевых торговцев. Маленькие, будто отлитые из чистого золота. Каждую чешуйку можно разглядеть и даже посчитать их все. Только вот шустрые они слишком. Говорят, таких рыбок держат в своих домах состоятельные граждане. Для этого они наполняют наичистейшей водой специальные емкости, опускают туда рыбок и следят за ними как за детьми малыми.

Но я снова отвлеклась. Никак не получается записывать мысли так, чтобы не скакали они с одного на другое.

Дама Лиссандра завела меня в свой кабинет и любезно предложила присесть. Потом поинтересовалась здоровьем тетушки и только после всего перешла к делу.

– Жильсена, дитя мое, я знаю, что каждое утро ты сносишь на рынок свои чудесные ягоды, которые славятся на всю долину вкусом и размером. Но скажи мне, спросом ягоды пользуются маленьким? Монет за них получается выкроить совсем ничего?

– Нет, дама Лиссандра. Все, что отношу на рынок, то и продаю и очень быстро, – честно ответила я, недоумевая о причине столь деликатных вопросов.

– Хорошо, – важно и понимающе кивнула дама. – А помогает ли тебе тетя по хозяйству и на земле?

– Она неважно себя чувствует в последнее время, – вынуждена была солгать я, хоть всем в долине были известны причины недомогания тети Зуи.

– Понимаю, – и на это ответила дама Лиссандра. – Но девочка моя, ты выглядишь неподобающим образом для девушки, вошедшей в пору невест.

– Неподобающим? – совсем растерялась я, не зная, как реагировать на ее слова и уже заранее стыдясь чего-то.

– Да, дитя, неподобающим. Ботинки твои давно уже сносились. Юбка заштопана в стольких местах, что это заметно всем. Ты не носишь перчатки, и я догадываюсь почему. У тебя их просто нет. И ткань на твоей блузке застирана до такой степени, что уже похожа на мелкое решето. Ходить в таком вообще неприлично молодой особе. И ты не носишь белье!

На последних ее словах я почувствовала, как вспыхнули мои щеки.захотелось спрятаться от посторонних глаз, забиться в какой-нибудь угол. Дама Лиссандра так на меня смотрела, разглядывала мою блузку, что я ощущала себя голый. Но конечно же, я с честью выдержала ее взгляд, как она же нас и учила. Даже ни разу не потупила взор. Но я совершенно не знала, что можно ей ответить, разве что хотелось поскорее уйти.

– Девочка моя, – смягчила она немного тон и даже приобняла меня за плечи. – Все это я говорю не для того, чтобы как-то унижить тебя. Я хочу помочь, видя, что тетя совсем

тобой не занимается. И мамы у тебя нет...

– Благодарю вас, дама Лиссандра, – решила ответить я.

– Как ты знаешь, наверное, у школы есть попечительский совет, который жертвует в ее фонд небольшие суммы. Монеты идут на самые разные цели, но в том числе и на помощь малоимущим сиротам. Если хочешь, я могу похлопотать, чтоб и тебе выделили на одежду?

Этого я уже выдержать не смогла, как и сохранить лицо. Вскочив со стула, пробормотала:

– Благодарю, но не нужно, – и выбежала из кабинета, оставив класную даму в полном недоумении.

В полном смятении я добежала до школьной беседки и скрылась в ее тени. Там я охладила пылающие щеки и кое-как справилась с унижением, которое испытывала. Я понимала, что дама Лиссандра действовала из лучших побуждений. Но, Богиня, почему я не могла избавиться от чувства, что уподобилась нищенкам, просящим подати у ратуши?

И вот тогда в голове моей созрело решение завернуть на пути домой в магазин готового платья. Стараясь не считать, сколько трачу монет, я купила себе новые юбку с блузкой, ботинки из тонкой кожи и перчатки. В отделе нижнего белья подобрала кружевную сорочку. Ну и мешочек у меня в кармане существенно стал легче. А стыд до сих пор не отпускает. И сейчас, когда пишу эти строки, он вспыхивает с новой силой.

В субботу Жиль встала еще затемно. Даже куры в курятнике недовольно разворчались, когда пришла кормить их, а петух так и вовсе насест не покинул, гордо отвернувшись от хозяйки и продолжая сладко подремывать. Жиль даже позавидовала ему, так тоже хотелось вернуться в постель. Но сегодня выходной – базарный день. Отчасти она даже была благодарна господину Модире, что собирался сам прийти за ягодой. Не хотелось бы ей пропускать субботнюю торговлю. Да и после вчерашней беседы с хозяином замка что-то страшило, заставляло замирать на пороге дома и смотреть на возвышающийся над долиной замок с волнением.

Тетя Зуи громко храпела, и Жиль надеялась, что сон той сегодня будет таким же крепким как и во все остальные дни. Пробуждалась тетя ближе к обеду.

Господин Модир не обманул – не успела Жиль покончить со всеми утренними делами, как в дверь легонько поскреблись. И за то она была благодарна управляющему, что не стал наводить шума. Мужчина переступил порог дома и остановился в сенях, молча поклонившись. Крыжовник для него Жиль собрала первым делом, при свете газового рожка, потому как темно еще было. А еще, к вящей ее радости, господин Модир вернул торбу, что попросил оставить вчера в замке. И Жиль с чистой совестью могла вручить ему новую торбу, на плетение которой вчера потратила немало времени.

– Что с твоими руками? – спросил управляющий, когда принимал у нее торбу.

Он поставил ту на пол и взял руки Жиль в свои, разглядывая их при тусклом утреннем свете, проникающем сквозь неприкрытую дверь.

Оторопь овладела Жиль. Посторонний мужчина касался ее, и не было сил забрать у него свои руки, да и он не позволил, когда она сделала такую попытку.

– Кусты крыжовника шипастые. Залечить царапины я не успела, – пробормотала она и снова дернулась. Но господин Модир лишь сильнее сжал ее ладони, не обращая внимания на слабые сопротивления Жиль.

А вскоре она почувствовала, как из рук управляющего заструилось приятное тепло, обволакивая ладони, проникая в кисти, согревая те и залечивая. Свежие царапины темнели на глазах и исчезали. Даже та мазь, которой пользовалась Жиль, не имела такого моментального эффекта.

И надо было именно в это время распахнуться двери. Запанная и взлохмаченная со сна тетя Зуи предстала в дверном проеме в одной сорочке, которая была такая короткая, что едва прикрывала срам, выставляя на показ полные рыхлые ноги и неприлично обнажая грудь и плечи. Жиль аж задохнулась от неожиданности и испуга, забыв про то, что руки ее продолжает удерживать в своих господин Модир. И нет бы тете смутиться и укрыться обратно в комнате, но реакция той явилась неожиданностью даже для привыкшей ко всему

Жиль.

– Это еще кто?! – вытаращила Зуи глаза на управляющего, но сразу же в них мелькнуло воспоминание. – Пстой-ка! А я тебя уже видела, совал свой любопытный нос в мой дом! – взгляд ее переместился на Жиль, а потом на ее руки, которые та, спохватившись, сообразила выдернуть и спрятать в складках юбки. – Ты глянь-ка! – прицокнула тетя языком, приближаясь к Жиль и обходя ту по кругу. – Приделась, как я погляжу. Все новое, неношеное... Дорогое поди...

Господин Модир заинтересованно наблюдал за тетей, не делая попыток вмешаться или что-то сказать. Та же расплывалась все сильнее.

– И откуда же у нас такое богатство? Уж не от него ли? – ткнула она пальцем в управляющего.

– Тетя... – попыталась образумить ее Жиль, да намекнуть, что выглядит та недостойно, да не тут-то было.

– Молчи, потаскуха! – вскричала тетя, да так громогласно, что аж в ушах зазвенело. – Ухажера, значит, завела себе богатенького. Недалеко же яблоко от яблоньки-то укатилось, – гортанно рассмеялась она, обнажая пожелтевшие от травы крупные зубы. – Вся в мать, значит. Та, блудная, вернулась брюхатая не известно от кого, и ты туда же, значит!..

– Тетя! – взмолилась Жиль, чувствуя, как дурнота постукает к горлу. Да что же она такое говорит?! И это при совершенно постороннем мужчине! Стыд-то какой!

– И много он тебе дает, за то что ноги раздвигаешь? И

для вот этого я, значит, растила тебя, воспитывала? А ты! – устала она на Модира. – Не хочешь позолотить ручку той, что заменила ей мать? – выпятила Зуи грудь, которая и без того практически вываливалась из выреза рубашки.

– Ну хватит! – спокойно, но с угрозой произнес управляющий.

Он даже позы не сменил, как с пальцев его сорвалось белое облачко и ударило в лицо Зуи, сразу же впитываясь в кожу. Как была с открытым ртом, видимо, собираясь сказать очередную гадость, так и застыла. Жиль же испугалась настолько, что спрятала лицо в ладонях. Как же ей было стыдно за родного человека! А еще обидно, что та о ней такого плохого мнения. И еще она корила себя, что забыла о важном – тетя по субботам всегда вставала рано, чтоб отправиться к торговцу, что снабжал ее травкой. Как она могла об этом забыть? Не иначе, как события последних дней выбили ее из колеи.

Так она и стояла, прижав ладони к сухим глазам, пока на голову ее не опустилась тяжелая рука и не прошла по всей длине волос.

– Все, девочка, больше она тебе ничего не скажет и не сделает, – раздался совсем рядом голос Модира.

Жиль подняла на него глаза, но прочитать по его отстраненному взгляду, о чем думает, не получилось. Он взирал на нее с каким-то странным выражением, словно стал свидетелем тому, о чем никогда даже не слышал. Для Жиль же

подобные вспышки гнева и несправедливости были не в диковинку. Разве что, тетя ни разу еще не позволяла себе настолько откровенно оскорблять ее.

– Она такой и останется? – с опаской покосилась Жиль на тетю, не в силах не думать о том, что господин этот стоит к ней слишком близко, что рука его продолжает касаться ее волос. И как избежать этого, она не знала.

Модир словно понял ее настроение – убрал руку и отошел от Жиль. Она же не сдержала вздоха облегчения, очень надеясь, что он того не заметил.

– Нет, конечно, – как-то устало произнес управляющий не глядя на Жиль, а рассматривая тетю. Вновь ей тало стыдно непотребного вида той. – Способность двигаться и говорить я ей верну. Но она больше не сможет говорить тебе гадости. Скажи мне, – перевел он взгляд на нее, – была она тебя когда-нибудь?

– Нет, что вы! Тетя и пальцем меня не тронула за всю свою жизнь! – и это было чистой правдой.

Модир кивнул и задумчиво произнес:

– Иногда слова сильнее ранят...

Ответить на это Жиль ничего не смогла, признавая его правоту. Зуи никогда не выбирала выражений и чаще всего оскорбления ее сыпались именно на голову Жиль. И казалось, к такому отношению давно пора привыкнуть, ан нет – сегодняшние обвинения были настолько грубыми и вопиющими, что щеки Жиль до сих пор пылали от стыда и отвращения.

щения.

– Завтра я снова приду за ягодой, – заговорил на другую тему Модир. – С твоего позволения сделаю это чуть позже? – наполовину спросил, на половину поставил в известность управляющий.

– Тогда приходите ближе к обеду, – попросила Жиль. – С утра я буду на рынке.

– Хорошо, – кивнул он и собрался уже было откланяться, когда Жиль спохватилась:

– А как же тетя?

Та все продолжала возвышаться словно статуя посреди сени.

– Ах, да...

Господин Модир взмахнул рукой и Зуи отмерла. На смелую сварливому выражению ее лица пришло благодушие и неестественная радость.

– Уже уходите, господин хороший? – заискивающе произнесла она, а Жиль только и могла что молча дивиться столь разительным переменам. – Непременно заходите еще. У нас самые вкусные ягоды в долине. И выращиваем мы их для вас с любовью...

Она все продолжала говорить, но никто ее уже не слушал. Управляющий покинул дом, а Жиль вышла проводить его до калитки.

– До завтра, – кивнул он ей на прощание и быстро удалился по переулку.

Жиль же еще какое-то время смотрела ему в след, не желая возвращаться в дом. Она поверила господину Модиру и не сомневалась, что тетя больше никогда не обидит ее словом. Только вот, память о сегодняшнем утре еще долго будет жива. Ну да ладно! И с этим она как-нибудь справится. А сейчас надо поторапливаться – рынок уже вот-вот откроется.

Модир чувствовал спиной взгляд лоточницы, а потому торопился поскорее скрыться с глаз ее. Да и действовать нужно было по свежим следам, пока чары не рассеялись окончательно. Именно сейчас разум этой толстухи был открыт для проникновения.

Как только свернул за угол, так прибавил шагу еще, почти побежал. Прохожие оборачивались на странного мужчину в черном, но он не замечал никого. Модир спешил к развалинам дома, которые заметил вдалеке, на отшибе. Это место идеально подходило для того, что он задумал.

Зайдя за полуразрушенную стену, он стянул со спины торбу и разве что не бросил ту на землю, не заботясь о ягодах. А потом сам опустился рядом, откинулся за стену и закрыл глаза. Отпустить сознание не составило труда, и вскоре то самостоятельно заскользило обратно, с точностью повторяя путь хозяина и все ускоряясь.

В доме лоточницы внутренняя сущность Модира остано-

вилась и огляделась. Толстуха была занята тем, что расчесывала гребнем свои спутанные волосы. Девушки нигде не было видно, и Модир догадался, что та, должно быть, на огороде. Впрочем, сейчас ему была нужна не она, а ее тетка.

Разум скользнул в затуманенный наркотиками и чарами мозг и принялся там хозяйничать, выуживая информацию по крупицам, собирая в единое целое. Все это время толстуха пялилась в стену бессмысленным взором, а щетка выпала из расслабленной руки и грохнулась на пол.

До чего же убогий у нее разум! Модира аж передернуло от отвращения. И теперь он точно знал, куда идти и что делать дальше. Только вот следовало поторопиться, потому что эта жирная корова тоже уже собиралась отправиться в путь. А ему нужно опередить ее.

И все же он не удержался, чтобы заглянуть за дом, где Жиль собирала последние ягоды, торопясь на базар. Ее стройный стан был частично скрыт ухоженными и подвязанными кустами малины. А вот юбка, напротив, не скрывала стройные ножки. Ту девушка задрала и заткнула за пояс, по всей видимости, чтоб не путалась в ногах и не цеплялась за колючие стволы.

Она красива и даже очень! И эта одежда ей идет. Делает стройнее и немного взрослее. Он мог бы еще долго заниматься подглядыванием, рассчитывая на что-то более откровенное, но время не терпит.

Как только сознание Модира вернулось, так сразу же он

продолжил путь, который лежал к тому самому торговцу наркотической травкой, к которому и собиралась с таким тщанием тетка лоточницы.

В дом торговца Модир вошел без стука и нашел того в большой комнате, отделанной в восточном стиле. Повсюду царили пестрые ковры, а на одном таком сидел, скрестив ноги, тучный мужчина. Щеки его свисали, а огромный живот покоился на ногах. Да что ж они все такие жирные? – брезгливо подумал Модир. Ковер был весь заставлен мешочками разной величины. И еще много травы покоилось рядом в пучках.

– Вы кто такой?! – выкрикнул мужчина неожиданно высоким голосом.

Но с ним уже церемониться точно было некогда.

– Смотри в глаза! – велел Модир, приковывая взгляд наркоторговца к себе. – Что ты должен дать той, что скоро придет к тебе? – мысленно он передал ему образ толстухи. – Покажи!

Рука толстяка дернулась в сторону, выбирая один из мешков и протягивая тот Модиру. Заменить траву на более сильно действующую не заняло много времени. Уже через пять минут управляющий прогулочным шагом удалялся от дома наркоторговца, на всякий случай стирая все следы своего присутствия не только в доме, но и в этом районе долины.

Он был очень доволен. Осталось дождаться результата, плодами которого он полюбуется завтра.

– Мон, как же я рада за тебя! – весело проговорила Жиль, когда они с другом собирали пустую тару, чтобы отправиться по домам. – Ты сегодня сбыл почти все! Матушка твоя очень обрадуется.

– Уж точно обрадуется, – расплылся Монила в широченной улыбке. Давненько Жиль не наблюдала, чтоб друг так радовался. – Подожди меня, я сейчас, – велел он и смешался с толпой.

Куда это он? – недоумевала Жиль, охраняя их пожитки, чтоб не затоптали торговцы, спешащие с рынка. Так странно... с утра столпотворение и гонка занять места получше, и после обеда то же самое, словно все заканчивают торговать в одно и то же время.

Монила вернулся через несколько минут и протянул ей большой леденец на палочке. Губы Жиль сами растянулись в улыбке. Да это же вкус детства! Именно тогда они с Моникой лакомились такими леденцами. У нее-то никогда не было на сладости монет, а вот другу удавалось где-то доставать те, и тогда они покупали леденцы и ели их в каком-нибудь укромном месте, мечтая, что когда-нибудь у них этих сладостей будет завалиться.

– А тебе? – поняла Жиль, что на этот раз он принес всего один леденец.

– Обойдусь, не маленький уже, – смутился Монила.

– Тогда будем лизать по очереди, – весело кивнула Жиль, подхватила друга под руку и потянула с рынка. Хотелось скорее выбраться на простор и свежий воздух. Запах специй попеременно с потными телами опротивел за несколько часов торговли.

– А пойдем к нашим развалинам? – предложил Монила. – Оттуда тебе и до дому недалеко.

– А тебе? Матушка не хватится, что тебя так долго нет?

Ей бы, конечно, тоже поспешить, но домой не тянуло совершенно. Перед глазами все еще стояла Зуи, такой какой была сегодня утром – срамной и вульгарной, а еще безмерно грубой. И это перед совершенно посторонним человеком, да еще и мужчиной.

– Нет. Они сегодня в гостях. Вернутся поздно, – заверил ее Монила.

Тут они уже тоже давно не были. Вон как трава выросла, выше человеческого роста. Пришлось потрудиться, пробираясь в развалины старого, давно заброшенного дома, где они с Монилой так много сживали в свое время.

– Что-то тут изменилось, – пробормотала Жиль, не понимая, почему это место в детстве воспринималось совершенно по-другому. Сейчас она себя тут чувствовала неуютно. Не радовал даже леденец. Хотелось бежать отсюда без оглядки и не возвращаться больше никогда.

– Просто ты отвыкла, – пожал плечами Монила и потянул

ее на сложенные друг на друга доски, смахнув перед этим с тех пыль.

– Наверное, – задумчиво протянула Жиль и дала другу лизнуть леденец. – А знаешь, я видела колдуна, – вдруг сказала.

Делиться тем, что видела и слышала в замке ей почему-то не хотелось, а вот про колдуна не удержалась, сболтнула.

– И какой он? – оживился Монила. – Страшный поди? Урод?

– Да нет... Я бы могла назвать его красивым, если бы не бледность лица. Болен он вроде...

– Чем же он болен? – сварливо поинтересовался друг. Сообщение Жиль его явно не обрадовало.

– Что-то с кровью, вроде. И крыжовник мой он пускает на лекарство. А еще он какой-то странный, словно и не человек вовсе.

– И что же в нем странного?

– Не знаю. Но рядом с ним так неуютно, как будто вот-вот случится беда. И вопросы он задавал странные.

– А почему он вообще задавал тебе какие-то вопросы? – повысил голос Монила и посмотрел на Жиль с неодобрением. – И зачем ты только согласилась ходить в замок?

Зря она ему это рассказала. Хотела поделиться, а получилось только хуже. Монила не поймет и осуждать будет еще сильнее. Да сейчас она и сама себя не понимала. Отчего-то описать образ колдуна не решилась даже в дневнике, словно

он мог очернить тот.

– Да ну его! – деланно легко махнула Жиль рукой. – Мрачный он тип. Давай не будем больше о нем. На вот, лизни! – сунула она леденец Мониле в губы, а потом еще и по носу мазнула. За что тот ей на голову насыпал сухой листвы. Так они и дурачились, пока не сели всю сладость и не настала пора возвращаться домой.

Неладное Жиль почувствовала, как только свернула на свою улицу и заметила, как со двора выходит представитель закона в форме. А рядом с калиткой стоит жандармская повозка с эмблемой Райской долины – золотое солнце на черном фоне.

Ноги становились все более ватными по мере приближения ко двору, где толпился народ. Что все они там делают? И где тетя? Ощущение беды надвигалось с такой скоростью, что войти во двор и посмотреть, возле чего же все столпились и что с таким любопытством рассматривают, у Жиль не хватило сил и храбрости.

– Жиль, девочка моя, – на плечо ее опустилась рука, и рядом возник господин Адис – директор ее школы.

– Что там, вы знаете? – непослушными губами проговорила она.

Глаза уже заволакивало то ли туманом, то ли слезами. И сердце болело так сильно, как не болело еще никогда. Стоять было трудно, и Жиль вцепилась в холодный металл калитки.

– Твоя тетя Зуи... Сегодня она отправилась в мир иной, –

скорбно произнес директор и возвел глаза к небу. – Короток был ее земной путь и грешен. Но на все воля Богини.

– Тетя?! – даже не спросила, а выкрикнула Жиль. – Но как?! С утра же было все хорошо...

А у самой уже перед глазами расплывались разноцветные круги. Если не возьмет себя в руки, рухнет прямо тут.

– Любовь к наркотикам ее сгубила. Вот сердце и не выдержало.

– Я должна ее увидеть, – Жиль отказывалась верить тому, что он говорил. Не могла тетя Зуи – единственный родной человек во всем мире, так вот бросить ее.

– Не ходи туда, девочка, – попытался удержать ее господин Адис. – Сейчас приедет карета скорой помощи и увезет ее в дом скорби. А завтра ты сможешь с ней попрощаться.

– Нет. Я должна! – вырвала Жиль руку и на нетвердых ногах шагнула в толпу.

При виде нее люди расступались, давали дорогу. Горе и постепенно проступающая вера, что все это ей не мерещится, давили на плечи все сильнее, превращаясь в выматывающие, невыносимые.

Тетя лежала на спине возле самого крыльца. Руки ее были раскинуты в стороны, глаза неестественно выпучены, а рот открыт, и из него вываливался синий и огромный язык. И она не дышала. А глаза ее со страхом взирали на небо, будто она боялась того, что ждет ее там.

Никто не удержал Жиль, когда она приблизилась к тете

вплотную. Не получалось не смотреть на ее страшное в смерти лицо. А слезы уже всюду лились по щекам.

– Зуи, – тихонько позвала Жиль, все еще надеясь, что это чей-то глупый розыгрыш.

И тут же словно прорвало плотину. Слезы хлынули из глаз, а ноги подкосились. Жиль упала на колени и уткнулась лбом во все еще мягкий и теплый живот.

Сколько прошло времени, она не понимала. Для нее оно словно остановилось. Кто-то заставил ее подняться и увел от тети. Смутно помнила, как ту грузили на носилки санитары, а потом куда-то понесли. Горе мешало дышать, смотреть, думать... Оно заняло все внутренности. И лишь одна мысль пульсировала в мозгу, что теперь она осталась совсем одна на всем белом свете.

Глава 6

В эту ночь Жиль не позволили остаться одной в пустом доме. Господин Адис уговорил ее переночевать в сиротском приюте, когда смог достучаться до затуманенного горем сознания.

Спала Жиль ужасно. Всю ночь ей снилась тетя, как та силилась что-то сказать. При этом лицо у нее было в точности таким, каким запомнила его Жиль в смерти, а изо рта вырывались разве что хрипы. И глаза так страшно вращались, словно искали кого-то.

Жиль просыпалась в холодном поту и боясь открыть глаза. Через какое-то время снова впадала в болезненный сон, чтобы опять увидеть ту же страшную картину. В итоге, едва забрезжил рассвет, как она встала и отправилась домой. Да и сегодня предстоял трудный день, который она обязана была провести в доме скорби, возле тела усопшей. А еще ей нужно было собрать крыжовник. Ведь за ним сегодня придет господин Модир. Курам дать еще нужно, да наверное, прибраться в доме. После вчерашнего там все вверх дном.

Жиль никогда не задумывалась, сколько правды таят в себе пословицы, прибаутки... Но одну она сегодня прочувствовала на себе. Говорят, беда не приходит одна. Стоя посреди огорода и глядя на устланную ягодами землю, Жиль осознавала всю глубину этой пословицы. Она не понимала,

что случилось. Как все до единой ягодки могли осыпаться и сгнить за одну ночь? Но на кустах не осталось ни одной. А это значило, что до второго урожая ей не удастся продать ни лукошка.

– Как же так? – прошептала Жиль, приближаясь к ягодным кустам и пытаясь разглядеть хоть одну целую ягодку. – Так не бывает... Зуи, неужто ты забрала их все с собой? – подняла она несчастные глаза к небу. – Зачем ты так со мной? – слезы струились по ее щекам, но со вчерашнего вечера она их не замечала.

И если Жиль думала, что это последнее потрясение на сегодня, то следующее едва не стоило ей жизни.

Войдя в курятник, она не нашла ни единой курицы на насесте. А когда перевела взгляд на устланный сеном пол, то так и осела, чувствуя, как ноги моментально стали ватными, а волосы на голове зашевелились от ужаса.

Все куры валялись мертвые. А у самого входа, прямо перед Жиль лежал петух и смотрел на нее стеклянными глазками-бусинками. Судорога прошла по телу Жиль, а потом нечем стало дышать. И темнота заволокла глаза, спустила на нее погребальный саван.

– ...Жиль, Жиль... – этот голос казался ей смутно знакомым, но слышала она его так далеко, что никак не могла понять, кто это. – Жиль, очнись! – влага коснулась лица, и лишь на мгновение она вынырнула из черноты. Но миг был так короток, что только и успела, что ослепнуть от яркого

света. А потом снова провалилась в темноту. – Жиль!.. – и снова холодная влага и чьи-то касания. Ласковый и родной голос, в котором явственно слышалось отчаяние вперемешку со слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.